

editor: Alex.Rux.A

Урсула Кроубер Ле Гуин

«Феникс»

«The Phoenix»

Ursula Kroeber Le Guin

Урсула Кроубер Ле Гуин

«Феникс»

Le Guin

***«The Compass Rose»:
part «East»:
“The Phoenix”***

1982 © Ursula Kroeber Le Guin

1982 © автор Урсула Кроубер Ле Гуин

1995 © переводчик Е. Гужов

10.09.2017 © оформление Alex-Rus

10.09.2017 © редактор Alex.Rus.UA

Le Guin

РЕДАКТОР: ALEX.RUS.UA

COPYRIGHT © 1982 BY URSULA KROEBER Le Guin

Аннотация

Гениальная Урсула Кроубер Ле Гуин (Ursula Kroeber Le Guin) в своём фантастическом рассказе «Феникс» (в оригинале «The Compass Rose»: part «East»: «The Phoenix», 1982 год) под апокалиптический грохот войны (от лица стороннего наблюдателя) открывает перед читателем сущность настоящего библиотекаря — отважного человека, который (посреди городских руин, сквозь разгул inferнальных выродков в людском облики) в полном смысле слова несёт ответственность за книги. И теперь этот действительно великий человек, рискнувший собственной жизнью ради книг (причём не обязательно редких и далеко не шедевров), лежит на смертном одре. Умиравший человек агонизирующего мира. Но через символические иносказания и тонкие намёки писательницы просматривается луч надежды: словно мифический Феникс, пусть он и тяжко опалён, но всё равно воскреснет, просто-таки обязан восстать из пепла пылающего мира!

Произведение категорически рекомендуется к прочтению людям всех возрастов, полов, рас и уровней ментально-этического развития, а также всем (анти)гуманоидам, (квази)рептилоидам и конкретно (не)определившимся. Причём особенно предписано (в добровольно-принудительном исправительно-воспитательном порядке) для альтернативно одарённых сектантов-мутантов «радиоактивного пепла», маниакальных «гундяефилов», великодуховных «гейропофобов», а также раболепных верноподданных «руSSкага міра» всех мастей и фанатично-кровожадных апологетов «Третьего Рима», Рейха, Вавилона иже с ними...

10.09.2017 © Alex.Rus.UA АКА Alex-Rus¹

---

1 Редакция 10.09.2017 г. фантастического рассказа 1982 года «Феникс» (в оригинале «The Compass Rose»: part «East»: «The Phoenix», автор Урсула Кроубер Ле Гуин/Ursula Kroeber Le Guin, переводчик Е. Гужов, 1995 г.) на основе текстового файла от 05.04.2001 г.. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

«Феникс»

Радио на комодѣ шипело и трещало, словно кипящая кислота. Сквозь треск разрядов голос хвастал победами. «Мясники!», ответила она. «Мясники, лжецы, дураки!» Выражение в глазах библиотекаря усилило её ярость, как у цепного пса, что, задыхаясь, хватается пастью воздух.

«Ты не можешь быть партизаном!»

Библиотекарь не ответил. Ему, наверное, нечего было бы сказать, даже если он мог бы говорить.

Она приглушила радио — его не стоило выключать, чтобы не пропустить последний акт драмы, развязку — и подошла ближе к библиотекарю, лежащему на постели. Теперь она уже хорошо знала его круглое, желтовато-болезненное лицо, тёмные глаза с красными белками, тёмную, густую шевелюру, волоски на предплечьях, кистях рук и пальцах, волосы под мышками и на груди, в паху и на ногах, и всё его коренастое, потное, страдающее тело, о котором она заботилась уже тридцать часов, пока город раздирался улица за улицей и нерв за нервом, а радио судорожно дёргалось от лжи к статике и снова ко лжи.

«Не надо мне говорить!», сказала она его молчанию. *«Ты не с ними. Ты против них.»*

Не проронив ни слова, с предельной экономией сил, он выказал отрицание.

«Но я тебя видела! Я точно видела, что ты делал. Ты запер библиотеку. Как ты думаешь, почему я пошла туда, посмотреть на тебя? Не думай, я ни за что не пересекла бы улицу, чтобы помочь кому-нибудь из этих!» Однотонный презрительный смешок и далее тишина. Только радио шипело, снова ловя статику. Она села в ногах постели прямо перед взглядом библиотекаря, точно по его центру.

«Я знаю тебя в лицо бог знает как долго, пару лет, наверное. Другая моя комната, там, выходит на площадь. Прямо напротив библиотеки. Я сотню раз видела, как ты открываешь её по утрам. На этот раз я увидела, как ты её закрываешь в два часа дня. В спешке пробегаешь в кованые ворота напротив дверей. В чём дело? Потом я услышала машины и этих проклятых мотоциклистов. Я сразу задёрнула занавеску. Но потом встала за ней и смотрела. Знаешь, это странно. Клянусь, раньше я спряталась бы здесь под кроватью, если бы знала, что они так близко. Но я стояла и смотрела. Словно пьесу!», сказала она с экспансивной неточностью. На самом деле, она смотрела на библиотеку, выглядывая в щёлочку меж занавеской и

оконной рамой, с вздымающейся волной сильного трепета не совсем неприятного страха. Не эта ли живая эмоция впоследствии так быстро подвинула её действовать?

«Вначале они спустили флаг. Кажется, даже террористы делают дела в правильном порядке. На самом деле, наверное, никто другой не соблюдает традицию так скрупулезно. Они делают всё, что от них ждут... Ну, я видела, после того, как ты запер ворота, ты завернул к боковой двери, ко входу в подвал. Мне кажется, я заметила твой плащ, не замечая, что замечая, понимаешь, его желтовато-коричневый цвет. Поэтому, когда они хлынули по входным ступеням и вломились в боковую дверь — как муравьи на мясо, подумала я — и в конце концов снова вышли, уселись на свои проклятые мотоциклы и укатили рушить что-то ещё, мне захотелось узнать, дым или просто пыль выбивается из боковой двери, и тогда я вспомнила твой плащ, наверное из-за цвета дыма, такого же желтовато-коричневого. Я подумала, что никогда больше не увижу твой плащ. Они не увезли библиотекаря с собой. Ну, я подумала, что они, наверное, застрелили тебя там внутри, где книги. Но я всё время вспоминала, как ты запер двери и запер ворота, а потом вернулся. Я не знала, почему ты так сделал. Ты мог бы в конце концов запереть всё и уйти, слинять. Я всё об этом думала. А там, на площади, не было не души. Все мы крысами прятались в своих крысиных норах. И поэтому, я, наконец, подумала: Я не смогу потом жить с этим, и пошла посмотреть на тебя. Пошла прямо через площадь. Пусто, как в четыре часа пополудни. Всё было тихо. Я не боялась. Я только боялась найти тебя мёртвым. Рана, кровь. От крови мне становится дурно, я её ненавижу. Ну, я вошла, во рту стало сухо, а в ушах пело, а потом увидела тебя, ползущего с кучей книг!» Она засмеялась, но на этот раз голос подвёл. Она повернула к нему левый профиль, глядя на него лишь искоса.

«Почему ты вернулся? И что ты делал, когда они были внутри? Прятался, мне кажется. А когда они ушли, ты вышел и попытался потушить огонь.»

Он слегка покачал головой.

«Ты потушил», сказала она. «Ты его погасил. На полу была вода и валялось ведро.»

Этого он не отрицал.

«Не думаю, что книги легко загораются. Может, они разорвали газеты, каталоги, навалили карточек? Они ведь, конечно, что-то зажгли. Весь этот дым, так страшно. Я задыхнулась, как только вошла, не знаю, чем ты вообще дышал там, на первом этаже. Как бы то ни было, огонь ты потушил, но надо было выбираться из-за дыма, а может, ты не был уверен, что погасил пожар полностью, поэтому ты живо понадёргал книг поценнее и пополз к двери.»

Он опять покачал головой. Улыбаясь?

«Но ты же полз! Когда я вошла, ты тащился к ступенькам, ты полз на коленях, пытаешься удержать книги. Я не знаю, удалось бы тебе выбраться или нет, но ты пытался.»

Он кивнул и что-то попытался прошептать.

«Ладно. Не разговаривай. Просто скажи мне, нет, лучше молчи, как после этого ты можешь быть партизаном? Отдавая жизнь всего за несколько книг!»

Он зашептал громче, но голос звучал, словно стальная щётка, скребущая по меди — всё, что оставил от голосовых связок дым. *«Не ценно...»*, сказал он.

Она наклонилась² поймать слова. Выпрямившись, она расправила юбку и заговорила с некоторым возмущением.

«Не думаю, что мы настолько квалифицированы, чтобы судить, ценна наша жизнь или нет.»

Он снова покачал головой и прошептал, беззвучно, бессмысленно, упрямо: *«Книги.»*

«Ты говоришь, книги не ценны?»

Он кивнул, лицо его смягчилось; выразив себя, он снял всё напряжение.

Она пристально смотрела на него, недоверчиво, более гневная, чем на радио, а потом гнев упорхнул, словно монета с пальца, и она засмеялась: *«Ты сумасшедший!»*, сказала она, взяв его за руку.

Рука была основательной, как и всё в нём, рука твёрдая, но не мозолистая, рука человека, работающего за столом. И она была горячей.

«Тебе надо бы в больницу», сказала она с раскаяньем. *«Знаю, что тебе нельзя разговаривать, но я не могу удержаться от болтовни, а ты не отвечай. Тебе надо в больницу. Но как ты туда попадёшь, когда нет такси и бог знает, на что сейчас похожи больницы. И кого они сейчас захотят взять. Как только всё немного затихнет и телефон снова заработает, попробую позвонить доктору. Если ещё останутся докторá. Если вообще что-нибудь останется, когда всё кончится.»*

Говорить так её заставила тишина. Был тихий день. В такие дни почти хотелось услышать мотоциклы и пулемёты.

Его глаза были закрыты. Вчера вечером и время от времени всю ночь у него были пароксизмы кашля, он боролся за дыхание с ужасающе сильными спазмами, похожими на астму или на сердечный приступ. Даже сейчас он дышал коротко и тяжело, но как бы ни был он измотан и неустроен, он всё же отдыхал, ему должно стать лучше. А что, собственно, мог бы сделать доктор для надыхавшегося дымом? Наверное, не много. Докторá не слишком-то

---

2 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

помогают при плохом дыхании, при³ старости⁴ или при гражданских беспорядках. Библиотекарь страдает от того, от чего умирает его страна, болезнь его — принадлежность этому городу. Целые недели громкоговорителей, пулемётов, взрывов, вертолёт, пожаров, молчания; *организм политики неизлечим, его конвульсии продолжаются*. За капустой, за килограммом мяса надо ходить за километры. Вдруг открылся магазин сладостей, дети покупали апельсиновый сок. А на следующий день всё кончилось, здание на углу взорвали и сожгли. *Скелет политики. Лица* людей, как фасады домов в деловом районе⁵, как громадные отели, пустые и закрытые, все в затемнении. А в прошлую субботу вечером бросили бомбу в Фениксе. *Тридцать убитых*, говорило радио, а потом *шестьдесят убитых*, но её оскорбили не эти смерти. Люди всегда рискуют. Эти пошли посмотреть пьесу в разгар гражданской войны, они рискнули — и проиграли. Здесь одновременно — и смелость, и справедливость. Но старый Феникс, само здание, сцена, где она сыграла так много дерзких горничных, молодых сестёр, наперсниц, приживалок, Ольгу Прозорову, и в течении трёх великих недель — Нору; красный занавес, красные плюшевые кресла, пыльные люстры и позолоченная алебастровая лепка, всё это поддельное величие, ящик с игрушками, беззащитное и незащищаемое место облагораживания человеческих душ — поднять на это руку презренно. Лучше бы они бросали проклятые бомбы в церквях. Там уж, конечно, поражённая душа воспарила бы прямо в пушистое небо прежде, чем заметила, что её тело разорвано, как мясо для жаркого. С богом на вашей стороне, в божьем доме, как что-либо может идти плохо? Но нет защиты в давно мёртвом драматурге, в куче рабочих сцены и дураках-актёрах. Всё может пойти плохо и всегда идёт. Лампы погасли, вопли и толкотня, затоптанные, невыразимо гнусная вонь, и всё из-за Мольера⁶, или Пиранделло⁷, или что они там играли в субботу

3 В оригинале «про». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

4 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

5 В оригинале «даунтауне», т. е. непереустроенное «downtown» (американский разговорный сленг) — «деловой район, деловая часть города». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

6 Molière, Мольер (настоящие имя и фамилия Жан Батист Поклен, Jean-Baptiste Poquelin, 1622-73 гг.) — французский комедиограф, актёр, театральный деятель, реформатор сценического искусства). Служил при дворе Людовика XIV. Опираясь на традиции народного театра и достижения классицизма, создал жанр социально-бытовой комедии, в которой буффонада, плебейский юмор сочетались с изяществом и артистизмом. Высмеивая сословные предрассудки аристократов, ограниченность буржуа, ханжество дворян и церковников, видел в них извращение человеческой природы («Смешные жеманницы» 1659, «Мизантроп» 1666, «Скупой» 1668, «Учёные женщины» 1672, «Мещанин во дворянстве» 1670, «Мнимый больной» 1673); с особой непримиримостью разоблачал лицемерие, создав бессмертный образ Тартюфа в комедии «Тартюф, или Обманщик» (поставлена в 1664 г.). Постановка «Дон Жуана» в 1665 г. подверглась преследованиям за вольнодумство. Жизненность, художественная ёмкость образов Мольера оказали огромное влияние на развитие мировой драматургии и театра. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

7 Luigi Pirandello, Луиджи Пиранделло (28.06.1867 г., Джирдженти (Girgenti), ныне Агридженто (Agrigento), — 10.12.1936 г., Рим) — итальянский писатель, драматург и романист. Родился в семье владельца серного рудника. Получил филологическое образование в Римском и Боннском университетах. Как приверженец веризма (итал. verismo, от vero — правдивый, — реалистическое направление в итальянской литературе, музыке и изобразительном искусстве конца XIX в., стремившееся отразить социальные и психологические конфликты новой национально-исторической действительности объединённой Италии, вступившей на путь

вечером в Фениксе. Бог никогда не бывает на их стороне. Он берёт себе славу, прекрасно, но не вину. Что такое бог в действительности, как не доктор, знаменитый хирург: *не задавайте вопросов, я вам не отвечу, оплатите гонорар* —⁸ *и я спасу вас, если получится, а если нет* —⁹ *вы сами виноваты.*

Она поднялась прибрать столик у постели, коря себя за вульгарные мысли. Ей надо на ком-то сорвать злость, а здесь никого, кроме бога и библиотекаря, но ей не хочется злиться на библиотекаря. Он слишком болен, как и город. А гнев может замутить чистоту и большое удовольствие её сильного эротического влечения к нему. Она годами не смотрела на мужчину с *таким* наслаждением, ей казалось, что *эта* радость утеряна, *усохла*. Её возраст воспользовался преимуществом его болезни. При нормальном течении событий он относился бы к ней не как к женщине, а как к старухе; его слепота ослепила её: ей не следовало бы смотреть на него. Однако, раздевая его и осматривая тело, она отбросила лицемерие и восхищалась его коренастым и невинным телом с невинной радостью желанья. О его разуме и душе она не знала почти ничего, разве что у него есть храбрость, что хорошо. В действительности, она и не хотела знать больше. Она сожалела, что он вообще заговорил, произнеся только эти два глупых, хвастливых слова: «*Не ценно*». Относилось ли это к его собственной жизни или к книгам, который он пытался спасти с риском для этой жизни? В любом случае он знал, что для партизана не ценно ничего, кроме дела. Существование филиала библиотеки, бытие нескольких книг — хлам. Ничего не имеет значения, кроме Будущего.

Но если он партизан, почему он пытался спасти книги?

Мог бы лоялист остаться в одиночестве в той ужасной комнате в коричневато-жёлтым дыму, пытаясь потушить пожар, чтобы спасти книги от сожжения?

Конечно, ответила она себе. В соответствии с его идеями, его теориями, его верой — да, конечно, определённо! Книги, статуи, здания, фонари, на которых зажжены лампы, а не болтаются повешенные, Мольер в восемь тридцать, разговоры за обедом, школьницы в голубом с портфелями, порядок, благопристойность, прошлое, которое гарантирует существование будущего — именно за это стоят лоялисты. И он стоит стойко. Но мог бы он при этом ползти по полу, выхаркивая лёгкие и пытаясь вытащить в руках

развития), Л. Пиранделло показывает внутренний мир «маленького» человека и его духовный бунт против беспросветности жизни. Знаменит романами: «Изгой» («The Outcast», 1901 г.) и «Покойный Маттиа Паскаль» («The Late Mattia Pascal», 1904 г., русский перевод 1967 г.), в котором вскрыто противоречие между социальной «маской» и истинным «лицом» человека, живущего в современном обществе. Под влиянием идеалистических концепций он пишет исполненные парадоксов философско-психологических драмам на итальянском языке: «Шесть персонажей в поисках автора» («Six Characters in Search of an Author», 1921 г.), в которой воплощено противоречие между искусством и жизнью и представлена социальная трагедия людей, бессильных против навязанной им «маски»; «Генрих IV» («Henry IV», 1922 г.), в которой возникает бунт против действительности и создание иллюзорного мира. Нобелевская премия (Nobel Prize) по литературе (1934 г.). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

8 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

9 В оригинале запятая вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

несколько книг? — и даже *не ценных книг*, вот что хотел сказать библиотекарь, теперь она *поняла* его, и даже не ценных, ибо, может быть, в этом филиале библиотеке вообще нет ценных книг. Просто книги, любые книги, и не потому, что у него есть идеи, но потому, что у него есть *вера*, за которую расплачиваются жизнью, но потому, что он *библиотекарь*. Человек, который *присматривает* за книгами. Тот, кто несёт за них *ответственность*.

«Ты это имел в виду?», спросила она тихо, потому что он уснул. «Вот почему я притащила тебя сюда?»

Радио шипело, но ей не нужны были аплодисменты. Её зрителями были его сны.

1982 © Урсула Кроубер Ле Гуин

ИНФОРМАЦИЯ О КНИГЕ:

«Феникс» Урсула Кроубер Ле Гуин
«The Compass Rose»: part «East»
«The Phoenix» Ursula Kroeber Le Guin
1982 © Ursula Kroeber Le Guin/Урсула Кроубер Ле Гуин
edit: Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus

Авторство документа:	Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus
Редакция и оформление:	10.09.2017
Время редактирования:	00:32:03
Количество сохранений:	17

Общее количество страниц:	12
Общее количество абзацев:	112
Общее количество слов:	2696
Общее количество символов:	17687

Copyright © 1982 by Ursula Kroeber Le Guin

Copyright © 1995 by Е. Гужов (переводчик)

*Copyright © 10.09.2017
by Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus*

Le Guin